

А. В. Стогова

ORCID: 0000-0003-0322-1397

✉ anna100gova@yandex.ru

*Институт всеобщей истории РАН
(Россия, Москва)*

«КАЖДОЕ МОЕ УТРО НАЧИНАЛОСЬ С ПИПСА И КОФЕ. НЕ ПРЕДСТАВЛЯЮ СЕБЕ, КАК Я ТЕПЕРЬ БУДУ...»: ЦИФРОВОЕ ЧТЕНИЕ ЛИЧНОГО ДНЕВНИКА XVII В.

Аннотация. В статье разбирается вопрос об особенностях цифрового чтения личных дневников на основе анализа двух проектов Фила Гифорда с публикацией дневника Сэмюэля Пипса — на специально посвященном дневнику сайте и на микроблоговой платформе «Твиттер». При обсуждении жанра личного дневника и его публикации, как правило, на первый план выходит проблема приватности и ее нарушения, которая видится центральной для понимания впечатлений и переживаний читателя, «погружающегося» в чужую частную жизнь и испытывающего одновременно и чувство вины, противопоставляющее его автору/герою, и ностальгию по упущенным возможностям, сближающую его взгляд на текст с тем, что мог бы иметь сам дайарист, перечитывающий свои записи. Обращение к формам публикации дневника в пространстве Интернета, которые преследовали цель «живого чтения» и предполагали модель принципиально отличную от чтения печатной книги, позволяет обратить внимание на другие аспекты восприятия читателем чужого личного дневника, обусловленные особенностями медиа и повседневными практиками. Анализ образа самого Пипса, его текста, а также прошлого в целом, какими они предстают в комментариях пользователей обоих проектов, затрагивает три основных аспекта — влияние медиа на восприятие нарратива, фреймирование читаемого текста, включенность дневника в повседневность читателя. Сопоставление двух проектов, выявляющее существенное различие в восприятии одного и того же текста в полном соответствии с идеей Маршалла Маклюэна «медиа есть сообщение», проблематизирует и без того подвергающееся критике жанровое определение дневника и его характеристик. Комментарии пользователей позволяют говорить не только об иных механизмах формирования ощущения приватности и близости к автору, которые считаются одними из важнейших для определения жанра дневника, но и о том, что в вопросе приватности при определенных практиках чтения личных дневни-

ков ракурс «подглядывания» может меняться на противоположный — ракурс вмешательства дневника в частную жизнь читателя.

Ключевые слова: Сэмюэль Пипс, Фил Гиффорд, дневник, приватность, ностальгия, прошлое, чтение, повседневность

Для цитирования: Стогова А. В. «Каждое мое утро начиналось с Пипса и кофе. Не представляю себе, как я теперь буду...»: цифровое чтение личного дневника XVII в. // Шаги/Steps. Т. 9. № 4. 2023. С. 177–207. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-4-177-207>.

Статья поступила в редакцию 1 июня 2023 г.

Принято к печати 17 июля 2023 г.

Shagi / Steps. Vol. 9. No. 4. 2023
Articles

A. V. Stogova

ORCID: 0000-0003-0322-1397

✉ anna100gova@yandex.ru

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)*

“I HAVE HAD MY DAILY PEPYS WITH COFFEE, EVERY MORNING. I DON’T KNOW WHAT I WILL DO NOW”: A DIGITAL READING OF A 17TH-CENTURY PRIVATE DIARY

Abstract. This article deals with the issue of digital reading of personal diaries based on the analysis of two projects by Phil Gyford involving the publication of Samuel Pepys’ diary — on a site specifically dedicated to the diary and on the microblogging platform Twitter. When discussing the genre of the personal diary and its publication, generally the problem of privacy and its violation comes to the forefront: it is seen as central to understanding the impressions as well as the experiences of a reader “immersed” in someone else’s private life and experiencing both a feeling of guilt, opposing him/herself to the author/hero, and nostalgia for missed opportunities, which brings closer to the text the view that the diarist himself might have, upon re-reading his/her notes. Consideration of the forms of diary publication on the Internet, which sought to create “a living reading” and assumed a reading model funda-

mentally different from that of a printed book, allows us to pay attention to other aspects of the reader's perception of someone else's personal diary, conditioned by the specifics of the media and everyday practices. Analysis of the image of Pepys himself, of his text, and of the past in general as they appear in the comments of the users of both projects touches upon three main aspects — the influence of media on the perception of the narrative, the framing of the text being read, and the inclusion of the diary in the reader's everyday life. The comparison of the two projects, which reveals, in full correspondence with Marshall McLuhan's idea of "the medium is the message", a significant difference in the perception of the same text, problematizes the already criticized genre definition of the diary and its characteristics. Users' comments allow us to speak not only about other mechanisms of forming a sense of privacy and closeness to the author, which are considered to be among the most important for defining the private diary genre, but also regarding the issue of privacy: in certain practices of reading personal diaries the angle of "peeping" can change into its opposite — the diary's interference in the private life of the reader.

Keywords: Samuel Pepys, Phil Gyford, diary, privacy, nostalgia, past, reading, everyday life

To cite this article: Stogova, A. V. (2023). "I have had my daily Pepys with coffee, every morning. I don't know what I will do now": A digital reading of a 17th-century private diary. *Shagi / Steps*, 9(4), 177–207 . (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-4-177-207>.

Received June 1, 2023

Accepted July 17, 2023

Исследователи уже много лет пытаются дать такие определения и типологию дневников, которые включали бы в себя все разнообразие практик и текстов, создававшихся в разное время, и, как уже неоднократно отмечалось, сделать это непросто. Патриция Деотто в опубликованном несколько лет назад небольшом обзоре кратко суммировала самые общие определяющие характеристики дневникового жанра, какими они видятся современным исследователям. Во-первых, это особая нарративная структура — последовательность фрагментарных, необязательно регулярных записей, подчиненных хронологическому принципу и имеющих привязку к календарным датам. Во-вторых — субъективность впечатлений и обращенность текста в первую очередь к самому автору. Дневник формирует особый образ описанной жизни. С одной стороны — фиксирование непосредственно происходящего, ускользающего и обновляющегося, принципиально не позволяет синтезировать целостный, линейно разворачивающийся образ жизни, а также Я актора и автора текста. Тем не менее последующее перечитывание текста позволя-

ет находить тот скрепляющий существование элемент, который оказывается наиболее актуален в момент чтения [Деотто 2019: 12].

Идея о том, что текст подчиняется интерпретации читателя, оказала очень большое влияние на исследования дневников, поскольку сам автор является непосредственным адресатом такого текста. Соответственно, письмо и последующее чтение стали восприниматься как две неразрывно связанные стадии бытования, которые необходимо принимать во внимание для понимания дневника как практики производства собственной идентичности. Однако несомненно, что и само чтение обусловлено спецификой дневникового текста. Как отмечала Салли Бейли, ностальгия — это доминирующее переживание при чтении дневника: «“Что, если” — это неизбежная темпоральность дневника. Что, если бы я был или не был, что, если бы я сделал или не сделал? Дайарист, перечитывающий свой собственный дневник через определенное время, не способен избежать ситуации, “что, если”» [Bayley 2016: 12–13].

Понимание своеобразия дневникового текста определяет и то, как видится исследователям его чтение человеком, изначально не мыслившимся в качестве адресата, — в первую очередь при публикации. Вопрос о чтении опубликованных дневников, как правило, представляется совершенно особым, поскольку изначально личные дневники не предполагают такого читателя, а если они пишутся в расчете на публикацию, то это уже не вполне личный дневник. Как отмечала Анна Зализняк, «опубликованный дневник — уже нарушает границы жанра» [Зализняк 2013: 510]. Даже с учетом того, что дневник предполагает или может предполагать косвенного адресата в лице друзей или потомков, анонимный массовый читатель преимущественно не вписывается в эти рамки. Неудивительно, что при обсуждении вопроса прочтения дневников на первый (и часто единственный) план выходит проблема частного и публичного. Считается, что с точки зрения стороннего читателя дневник — это главным образом частный документ, не предназначенный для внешнего взгляда. Вопрос о печали и ностальгии в случае с таким читателем переводится в иную плоскость — чувства вины за нарушение частного пространства. Жан Руссе, предложивший типологию дневников в зависимости от того, какого дополнительного читателя мог иметь в виду автор, отмечал, что любой неавторизованный читатель является таким нарушителем и не может не ощущать этого, поскольку изначально идеей любого дневника является закрытость, недоступность для чтения [Rousset 1983: 437]. Его точку зрения оспорил Эндрю Хассам, указав на то, что прежде всего сама форма печатной книги, с которой мы имеем дело, меняет наше восприятие. Публикация текста и произведенные при этом перемены делают любого читателя авторизованным. Он будет читать такой текст с совсем иными чувствами, нежели увиденный на столе чужой манускрипт [Hassam 1987: 438]. Второй фактор, определяющий читательскую рецепцию, который отмечает Хассам, — это время, поскольку разглашение секретов в опубликованном дневнике уже не может повредить автору или участникам описываемых событий. Однако поскольку секретность не всегда связана с опасностью разоблачения или другой прагматической идеей, но лишь с самим очерчиванием приватного, то его нарушение все равно оставляет чувство вины [Ibid.: 439]. Что избавляет от него читателя, так это то, что публикация дневника делает его художественным произведением и одно-

временно объектом социальной истории и, соответственно, меняет отношение читателя к тексту. Одна из ключевых идей исследователя состоит в том, что читатель интуитивно понимает разницу между чтением манускрипта и его опубликованной версии, и это понимание обусловлено существующими представлениями о жанре дневника.

При всем развитии идей о множественности практик чтения и факторов, влияющих на восприятие текста, тем не менее видение чтения опубликованного дневника как проникновения извне в чужое частное пространство продолжает оставаться доминирующим. Салли Бейли использует вполне расхожие метафоры для описания взаимодействия с текстом — автор дневника «выплескивает» себя на страницы, а читатель такого текста, соответственно «погружается» в водоворот чужой жизни [Bailey 2016: 11, 15], неизбежно примеряя на себя авторский взгляд на описываемую жизнь — и автора, пишущего, и автора, ностальгией перечитывающего описанное.

Идея, что личный дневник — это текст, закрытый от чужого взгляда в силу его интимности (что бы в нем ни было написано) из-за того, что он неразрывно связан с авторским Я, формируется в ту же эпоху, когда возникает интерес к чтению чужих дневников. Эндрю Хассам полагает, что рамку восприятия опубликованных дневников как текста, с одной стороны, явно не предназначенного для публикации, а с другой — оцениваемого с иных позиций, нежели рукописный дневник (как литературный объект и как объект исторический), задал дневник Сэмюэля Пипса, изданный впервые в 1825 г., т. е. когда частные дневники только начали публиковаться [Hassam 1987: 440]¹.

Сэмюэль Пипс, английский чиновник Военно-морского ведомства, вел подробный дневник в первые годы реставрации монархии после периода революции и протектората Оливера Кромвеля на протяжении почти десяти лет, с 1660 по 1669 г. Это текст хорошо известен среди исследователей. Одной из его особенностей является невероятная наблюдательность Пипса и стремление записывать самые разные аспекты своей жизни — от многочисленных и разнообразных политических событий до нелепых и даже постыдных происшествий в своей и чужой жизни. За почти двести лет, прошедшие после первой публикации в 1825 г., дневник стал очень популярен в англоязычном мире как классический текст, сравнимый с сочинениями Джеффри Чосера и Джейн Остин. О его популярности свидетельствует тот факт, что уже в 1958 г. на его основе был снят художественный мини-сериал BBC «The Diary of Samuel Pepys» с Питером Саллисом в главной роли². И вскоре знаменитый британский комик Бенни Хилл посвятил Пипсу один из скетчей в своем шоу («Pepys Diary», 1958)³; спетая им песня Пипса в духе английской площадной баллады даже попала в хит-парад 1961 г. Сейчас существует множество проектов, в основном научно-познавательных, которые связаны с этим дневником, поскольку отдельные его фрагменты, особенно посвященные чуме 1665 г. и Великому

¹ Сама идея, что для частного рукописного дневника литературные достоинства не имеют значения, спорна и тоже определена представлениями о приватности и спонтанности, непосредственности личного дневника, доминировавшими в начале XIX в.

² Сериал недоступен в сети Интернет, но его описание можно найти на портале IMDb (<https://www.imdb.com/title/tt4666222>).

³ См.: https://www.youtube.com/watch?v=82TX_88r3zc.

лондонскому пожару 1666 г., изучаются в школе. Его причисление к образчикам классической литературы, которое имеет в виду Хассам, действительно очень интересно сказало на его восприятии, потому что сегодня дневник существует одновременно и как живое, достоверное, очень интимное повествование о жизни в XVII в., и как художественное произведение, создающее определенный образ прошлого. В качестве такового дневник породил даже всевозможные подражания; собственно, скетч Бенни Хилла и был одним из них. А в современной культуре дневник Пипса даже стал основой для разнообразных фанфиков. В 2022 г. одной из исследовательниц был запущен проект под названием «Другие жизни в дневнике Сэмюэля Пипса» [Loveman et al. 2022].

Одной из самых необычных черт этого дневника является то, что он записан стенографией. Стенографирование появилось в Англии в конце XVI в.; в течение XVII столетия оно было очень популярно и произвело своеобразный информационный переворот, поскольку впервые появилась возможность записывать живую речь. Пипс, будучи клерком, использовал стенографию как в рамках служебных обязанностей — для письма под диктовку и создания черновиков документов, так и дома — для разных заметок, копий писем и т. п. К XIX в. система стенографирования Шелтона, которой пользовался Пипс, была уже забыта. В статье Мартина Фойса и Уитни Треттьен, где рассматривается влияние стенографии на последующую интерпретацию и чтение дневника Пипса, отмечается, что незнание издателями стенографии Шелтона, которую использовал дайарист, создавало очевидный соблазн увидеть в ней секретное письмо, скрывающее истинное значение [Foys, Trettien 2010: 107].

Дневник, хранившийся все это время в библиотеке колледжа Св. Магдалены в Кембридже согласно завещанию его автора, был впервые расшифрован и опубликован в 1825 г., и с использованием стенографии издатель связывал предельную честность и искренность автора, доверяющего бумаге свои самые позорные тайны:

Он (читатель. — А. С.) скорее должен рассматривать эту работу как сборник воспоминаний, наспех вечером сводимых вместе изо дня в день, исключительно для прочтения самим автором. Журнал содержит самые неоспоримые свидетельства правдивости; и поскольку автор не стеснялся записывать на бумаге свои самые тайные мысли, подбадриваемый, несомненно, уверенностью, которую ему внушало использование стенографии, то, возможно, не было еще публикации, на которую можно было бы так безоговорочно положиться в достоверности утверждений и точности, с которой подробно изложен каждый факт [Pepys 1825: vii].

Именно в этой публикации текст приобрел название дневника (*diary*), никогда не использовавшееся Пипсом. Сам он именовал свой текст журналом (*journal*) — словом, которое уже в XIX в. виделось не только иностранным, но и отсылающим к более формальным, деловым бумагам. Как отмечала в своем известном исследовании Хосе ван Дейк, «...в противоположность журналу, дневником принято называть частный вид рефлексивного письма, созданного

одним автором и закрытого для публичного рассмотрения» [Dijk 2007: 57]. Именно как дневник текст Пипса и известен до сих пор.

Для вдохновенных таким анонсом читателей издания 1825 г., ожидавших каких-то интересных секретов прошлого, сама форма печатной книги, которую надо было открыть, чтобы проникнуть в тайное, когда-то зашифрованное автором содержание, несомненно, задавала определенный модус чтения, лишь усиливаемый то и дело появлявшимися многоточиями, маркировавшими купюры, сделанные издателем во избежание чрезмерной скандальности. Сэр Вальтер Скотт, написавший рецензию на это издание, начал свое описание с рассуждений о свойственном человеческой природе любопытстве, «из-за которого мы получаем большое удовлетворение, подглядывая за поступками, переживаниями и мыслями наших сородичей» [Scott 1826: 281], которое чтение дневников удовлетворяет в большей степени, нежели чтение частной переписки, поскольку «позволяет подойти на несколько шагов ближе к реальным мыслям человека» [Ibid.: 282]. Содержание дневника Пипса, написанного стенографией и потому предполагавшегося недоступным для стороннего любопытного взгляда, соответственно, наиболее близко, по мнению Скотта, к «истинным» чувствам и мыслям автора. Именно в силу этого возможность его прочитать так ценна.

Каждое следующее издание с 1825 г. претендовало на то, чтобы дать читателям доступ к наиболее полной и правильной версии. Расшифровка стенографии, в которой одни и те же знаки могут быть интерпретированы по-разному, означает, что никто, читающий печатную публикацию, даже претендующую на абсолютную полноту, не имеет дела с текстом, написанным автором. Кроме того, при всей популярности дневника Пипса в англоязычном мире это текст, который мало кто читал целиком в силу его объемности. В современном полном издании это девять томов дневника, два тома справочных материалов и антология. В основном читаются сокращенные издания разной степени фрагментированности. Мы можем судить о них и по тому единственному изданию, которое было сделано в России; переведенные выдержки из дневника занимают примерно 200 страниц карманного формата [Пипс 2010].

Однако даже само различие в содержании и объеме таких изданий заставляет обратить внимание не только на медийные особенности — как именно и насколько полно и точно представлен текст, но и на то, какие практики чтения задают формат медиа и связанный с ним набор коннотаций. Размер книги, позволяющий или не позволяющий носить ее с собой, определяющий объем времени, потраченного на чтение; наличие комментариев и справочного аппарата; расположение текста⁴ и т. п. — все это и многое другое, о чем уже много раз писали исследователи истории чтения, влияет и на практики чтения, и на восприятие и оценку текста. Равным образом влияют на них и повседневные привычки чтения — можно читать урывками с большими перерывами, или регулярно, медленно и обстоятельно, обращая внимание на все комментарии, или каждую свободную минуту, почти не отрываясь от текста. Салли Бейли,

⁴ Например, в издании, сделанном А. Я. Ливергантом, текст выбранных записей скомпонован по темам, как в томе антологии издания Летема и Метьюза. Это задает оптику чтения как исторического свидетельства в большей степени, нежели личного нарратива, а также подчеркивает фрагментарность записей.

выстраивая свои рассуждения о «погружении» в дневник и чувстве ностальгии, пишет: «Мы все полагаемся на детали, если хотим отвлечься от насущных потребностей. Чтение Пипса напоминает нам о нашей, и свойственной человеческой природе в целом, зависимости от ничтожных развлечений. Ты уделяешь необходимое время срочным делам и как можно скорее возвращаешься к личной истории» [Bauley 2016: 181]. Ее интерпретация предполагает лишь одну возможную манеру чтения, опирающуюся на ее собственный опыт, а также свидетельства одной из самых известных читательниц Пипса — Вирджинии Вулф. Вулф читала Пипса, когда ей было 15 лет, и это была самая ранняя версия текста, переизданная впоследствии в четырех томах. Из ее собственного дневника очевидно, что текст был прочитан запоём. Она начала читать Пипса 29 марта 1897 г., через пять дней, 2 апреля, записала, что прочла первый том, 7 апреля — второй том, 12 апреля — третий. 13 апреля она писала, что начала читать последний том и надеется завершить его к следующему дню [Woolf 1990: 62–69].

Проблема приватности и публичности, как правило, определяет и рассуждения о современных формах бытования дневников — от публикаций в социальных сетях, очевидным образом изначально предназначенных для прочтения многими людьми, до разнообразных форм онлайн-версий дневников, написанных до появления Интернета. Филипп Лежён, известный специалист по эго-документам, еще в 2003 г. писал, что онлайн-дневники — такие же личные дневники, как и написанные на бумаге, но с другими механизмами контроля над приватностью в публичном пространстве и с более непосредственным читательским откликом. Удовольствие читателя, писал он, по сути, остается тем же и заключается в том, чтобы «следовать за вами во времени, заново встречать каждый вечер и регулярно следить за вашей жизнью как в детективном романе» [Lejeune, Vogaert 2003: 201]. Но и сейчас рассуждения ведутся в том же ключе. Как отмечала одна из известных специалисток по этой теме, Джилл Уолкер Реттберг, при всем медийном многообразии современных онлайн-дневников «одно из самых важных отличий между бумажными и онлайн-дневниками — размер потенциальной аудитории»; это заставляет современных дайаристов прибегать к различным ухищрениям, чтобы управляться с публичностью, ограничивая доступ, используя псевдонимы и т. п. [Rettberg 2020: 412]. При этом именно появление таких изначально не вполне частных дневников сделало очевидным то, что любой дневник в определенной мере предполагает коммуникацию. Хосе ван Дейк, сопоставляя бумажные и цифровые дневники, отмечала, что в противовес сложившемуся мнению о личном бумажном дневнике как сугубо приватном, он также всегда был актом коммуникации и с точки зрения предполагаемого имплицитного читателя, и в силу того, что «написание дневника, конечно, никогда не осуществлялось в социальном вакууме; этот ритуал занимает свою собственную нишу наряду с другими актами коммуникации, такими как разговор, слушание, чтение и т. д.» [Dijk 2007: 69]. Современные формы дневников лишь предполагают другую форму медиации и, соответственно, другие рамки включения/исключения потенциальных читателей.

Дезире Хендерсон, продолжая рассуждения Хассамы, также отталкивается от идеи, что приватность является ключевой характеристикой дневника как

жанра, и обращается к вопросу о том, как меняются отношения между автором, текстом и читателем при онлайн-публикации оцифрованных частных дневников. Она отмечала, что важной тенденцией стало стремление исследователей переосмыслить само понимание приватности, а также понять отношения между читателем и текстом в рамках жанровых характеристик, не только допускающих ту или иную меру нарушения приватного пространства, но и обусловленных спецификой медиапрактик чтения — того, что появляется нового и что теряется в том случае, когда рукописный текст дневника читается онлайн [Henderson 2018: 157]. Исследовательница обращает внимание на то, что формат онлайн-чтения следует рассматривать не только в категории нарушения приватного пространства, но и с точки зрения новых факторов, иначе формирующих ощущение интимности, например, такой детализации цифровой копии манускрипта, которая превышает возможности человеческого глаза. Эта новая возможность сверхдетального разглядывания заставляет задуматься и о режимах приватности прошлого [Ibid.: 169].

Публикационная история дневника Сэмюэля Пипса интересна тем, что, несмотря на его невероятную популярность, не только не существует его доступной цифровой версии (это объясняется тем обстоятельством, что записанный стенографией XVII в. дневник мало кем может быть прочитан), но даже и фотографии отдельных страниц появляются в публичном пространстве лишь с разрешения колледжа Св. Магдалины в Кембридже, где хранится дневник. Публикация последней транскрипции дневника, сделанная Робертом Летемом и Уильямом Меттьюзом в 1980-е годы, также ограничена авторскими правами. Существующие онлайн-публикации сделаны на основе транскрипции М. Брайта, изданной в 1893 г. Например, на портале Project Gutenberg представлено сразу несколько популярных форматов чтения электронных книг, доступных для чтения как онлайн, так и офлайн [Perus 2004]. Сам формат представления дневника подчеркивает, что речь идет не о его цифровой публикации, а о цифровой версии печатного издания. Это увеличивает символическую дистанцию между автором и читателем за счет добавления еще одного медиа, участвующего в передаче сообщения. Именно ввиду отсутствия какой бы то ни было публикации манускрипта особенно привлекают внимание публикации в новых медиа, которые в тех же условиях, напротив, позволяют читателю сохранить это ощущение близости с чужой жизнью, ассоциирующееся с чтением дневников. Интересны не только способы, которые позволяют воссоздать ощущение интимности новыми техническими средствами, но и то, как влияют на восприятие дневника иные практики чтения, предполагаемые новыми медиа.

В центре внимания в данной статье будут два взаимосвязанных проекта публикации дневника Пипса в сети Интернет. Оба они были созданы веб-дизайнером Филом Гиффордом, который среди прочего является автором нескольких концептуальных интернет-проектов, имеющих своей целью изменить привычное восприятие информации⁵. Дневник вообще представляет собой наиболее подходящий для электронного чтения тип текста. Как отмечал Роже Шартье, один из самых известных исследователей, занимающихся историей производства и чтения текстов, чтение перед экраном — обыкновенно

⁵ См.: Phil Gyford's website (<https://www.gyford.com/phil/about/projects>).

процесс принципиально прерывистый: благодаря наличию развитых инструментов поиска и способов представления информации мы ищем или нам предлагают какой-то фрагмент — одну статью в журнале, отрывок в книге, одну новость, которые нас интересуют вне того, как они встраиваются в общий текст. Общая целостность текста, которая раньше была обусловлена его материальной целостностью, теряется [Шартье 2006: 219]. Даже если мы читаем электронную книгу целиком, она для нас — такой же фрагмент информации, как и прочие. Это приводит, по мнению Шартье, к легкому смешению дискурсов. Если раньше разные дискурсы ассоциировались с разной материальной формой (новости, пропаганда и реклама были в газетах, научные исследования — в книгах, оформленных одним образом, а романы — другим), теперь мы все видим на экране, иногда одновременно, что меняет функционирование дискурсов и наше восприятие текстов. Во многом проекты Гифорда связаны именно с этой ситуацией.

Дневник как нарративная форма, в отличие от мемуаров, изначально представляет собой набор фрагментов, не связанных сюжетной логикой, и по этой причине дневники легко перевести в разные цифровые форматы. В России, например, хорошо известен проект «Прожито», в котором представлен электронный корпус дневников и воспоминаний⁶. Проект ориентирован на поиск конкретной информации по ключевым словам или датам, а не всего текста целиком. В некоторых случаях полный текст вовсе недоступен для пользователей ради сохранения приватности, но, пользуясь инструментами поиска, можно читать отдельные фрагменты⁷. И даже в визуальном представлении каждого отдельного дневника на экране подчеркивается эта фрагментарность, поскольку поденная запись существует как отдельная единица информации.

Проекты Гифорда с публикацией дневника Пипса интересны тем, что он, работая с этой ставшей для нас привычной фрагментированностью информации, пытается выявить инструменты, восстанавливающие целостность повествования. Поясняя смысл своих начинаний, Гифорд говорил о том, что его основной целью было понять, можно ли представить дневник Пипса как историю, осознавая, что он таковой не является [Gyford 2011: 1'10"—1'45" (аудио)]. Оба проекта (хотя в них тоже встроены инструменты поиска информации) своей основной целью имеют чтение всего текста целиком и, более того, позволяют при всей прерывистости практик чтения с электронных носителей создать ощущение дрящей истории. Гифорд использует фрагментированность цифрового чтения для того, чтобы погрузить своих пользователей в историю так, как это едва ли достигалось при чтении печатной книги, хотя формально такая возможность всегда была.

Публикация была реализована в двух форматах, которые предлагают и предполагают разные типы прочтения дневника. Первый проект стартовал 1 января 2003 г. — это публикация на специально созданной странице «The Diary of Samuel Pepys»⁸. Второй, начавшийся в апреле 2008 г., был реализован

⁶ См.: Прожито: Личные истории в электронном корпусе дневников и воспоминаний (prozhito.org).

⁷ Например, детский дневник Ильи А. (<https://corpus.prozhito.org/person/1028>).

⁸ См.: The Diary of Samuel Pepys: Daily entries from the 17th century London diary (<https://www.pepysdiary.com>).

в социальных сетях «Твиттер» и «Мастодон» (в статье анализируются записи в профиле @samuelperus на микроблоговой платформе «Твиттер»)⁹. В данном случае дневник изначально выкладывался не с начала, а с середины, с тем чтобы оба проекта разворачивались синхронно, — ежедневно в них публиковалась запись одного и того же дня из дневника Пипса. Соответственно, с 2008 г. дневник Пипса существует подобно современному кроссплатформенному блогу. Гиффорд предложил читателям максимально растянутое во времени чтение текста, в котором один день жизни Пипса, представленный в одном дискурсивно и технически выделенном фрагменте его текста, соответствовал и одному дню жизни читателя. Оба проекта завершились 31 мая 2012 г. публикацией последней записи за тот же день 1669 г. Проекты оказались успешными и были возобновлены в 2013 г., а 1 января 2023 г. стартовали уже третий цикл¹⁰. Это само по себе интересно, учитывая разговоры об умирании культуры текстовых онлайн-дневников, какой она появилась в конце 1990-х годов [Buford 2020: 426–428].

После нескольких лет существования обоих проектов в 2011 г. Фил Гиффорд выступил с публичной лекцией, в которой проанализировал их работу. Он отмечал, что в одном случае хотел, чтобы пользователи увидели текст как сложный, многослойный, в котором переплетаются повествования о разных сторонах жизни прошлого, в другом — напротив, намеревался представить максимально простую и близкую им версию [Gyford 2011: 2'15"—2'26" (аудио)]. Собственно, эти два параллельно развивающихся проекта интересны тем, что они прежде всего предполагают принципиально отличающиеся от привычного взаимодействия с печатным текстом практики чтения. В первую очередь формат чтения в рамках обоих изначально рассчитан на вовлечение в коммуникацию. Связь между автором и читателем в данном случае выражается в конкретных практиках и словах. Но при этом медийные возможности задают разные практики коммуникации и порождают разное восприятие и Пипса, и прошлого, и дневникового текста.

На сайте, посвященном дневнику, запись каждого дня выкладывается (и одновременно рассылается на электронную почту всем подписчикам) примерно в одно и то же время как единый текст, осмысляющий события целого дня, как он мог бы писаться. В одном из интервью Фил Гиффорд отмечал, что намеренно использовал такую форму публикации, подобную сетевым блогам, переживавшим в первое десятилетие XXI в. пик популярности:

Я подумал, что из дневника Пипса мог бы получиться отличный веб-блог. Опубликованный дневник состоит из девяти объемных томов — это пугающая перспектива. Читать его день за днем на веб-

⁹ В обоих случаях используется старая расшифровка дневника по изданию 1893 г., дабы не нарушать авторские права. Это поздневикторианское издание с изрядными купюрами одновременно удобно с точки зрения и проблем нравственности, и возрастных ограничений аудитории.

¹⁰ К сожалению, пока данная статья готовилась к публикации, проект в «Твиттере» был приостановлен из-за несогласия с политикой нового владельца платформы. Она была куплена Илоном Маском и 24 июля 2023 г. переименована в «X». Последняя запись аккаунта @samuelperus была выложена 25 июля 2023 г., а 1 августа Фил Гиффорд объявил о закрытии проекта. Все записи, выложенные ранее, по данным на 16 октября 2023 г. еще доступны.

сайте было бы гораздо удобнее, а аспект реального времени сделал бы это более увлекательным занятием [Gyford 2003].

Проект построен на вовлечении читателей: пользователи могут оставлять комментарии, а также создавать отдельные тематические беседы, делиться материалами и наполнять информацией внутренние разделы сайта. Из этого выросла целая энциклопедия, в которой собрана информация о людях, местах, различных событиях, повседневных практиках, упоминаемых Пипсом. Некоторая часть комментариев связана с вполне типичной для дневникового чтения попыткой понять мотивацию тех или иных слов или поступков Пипса как с точки зрения обусловивших их исторических реалий, так и с позиции психологии поведения. Формирующаяся за счет длительного чтения фамильярность выражается в том, что Пипс часто оказывается для читателей «Сэмом» и то и дело проскакивают восклицания «Ну как же так, Сэм?!», «Не делай этого!» и более развернутые обращения как бы непосредственно к самому автору дневника. Тем не менее подавляющее большинство комментариев обращено не к Пипсу, а к сообществу читателей, и связаны они с пониманием текста, поступков, выяснением упоминаемых исторических деталей:

Yonmei 13 октября 2003 г.

*...посмотреть, как генерал-майора Харрисона повесят, выпотрошат и четвертуют. Он держался настолько бодро, насколько это вообще возможно в его положении*¹¹.

Самый черный-пречерный юмор, вам не кажется?

Paul Brewster 13 октября 2003 г.

Он держался настолько бодро, насколько это возможно в его положении.

Л&М добавляют «-ly»¹². Их сноска гласит: «Томас Харрисон, царевубийца, был осужден 11-го числа». Ср. [сравните]¹³ с его агиографом: он был «очень весел, к удивлению многих»: ‘The speeches and prayers of Maj. Gen. Harrison ... (1660) [Странно, что СП¹⁴ и агиограф (?) используют одно и то же описательное слово]. Секретарь Николас сообщил, что он умер «с ожесточением сердца, которое вызывало ужас у всех, кто его видел» [Очевидно, кроме СП и безымянного агиографа].

(<https://www.pepysdiary.com/diary/1660/10/13>)

¹¹ Здесь и далее перевод мой. При цитировании из обоих проектов фрагменты текста дневника Пипса, использованные в комментариях и твитах, будут выделяться курсивом, чтобы было легче отделять их от слов пользователей. Сохраняются характерные для сетевого общения особенности пунктуации.

¹² Имеются в виду Роберт Летем и Уильям Меттьюз, подготовившие последнюю версию дневника Пипса. Автор комментария указывает на различия в транскрипции слова: *cheerful* в транскрипции Брайта и, соответственно, на сайте и *cheerfully* в издании, подготовленном Летемом и Меттьюзом.

¹³ Пояснения, данные в квадратных скобках, сделаны самим автором комментария. Сохранена его пунктуация.

¹⁴ Имеется в виду Сэмюэль Пипс.

Как уже отмечалось, по меньшей мере два других статуса — литературного произведения и исторического свидетельства — неизбежно оказывают влияние на читателя. С этим и связан замысел Гифорда:

Именно здесь возможность оставлять комментарии на сайте оказалась решающей. Записи и сноски уже аннотируются читателями, которые предоставляют пояснения и дополнительную информацию, создавая более коллективный опыт, чем это позволяет обычная публикация. Так что вместо того, чтобы просто публиковать мертвый — хотя и увлекательный — текст, я осмелился предложить гораздо более захватывающее живое чтение [Gyford 2003].

«Живое чтение», подразумевающее активное взаимодействие пользователей, противопоставляется литературному и историческому статусу дневника, «умертвляющему» текст, делающему его классикой.

Эта идея в еще большей степени проявляется в проекте на «Твиттере», но имеет иное значение. Здесь каждая дневная запись Пипса делится на небольшие фрагменты, которые с интервалами в два-три часа выкладываются в виде отдельных твитов. С одной стороны, текст при этом подвергается сокращениям, из него выпадают отдельные фразы, вводные слова или соединительные союзы. С другой стороны, такая форма представления создает ощущение той непосредственности, которую ассоциируют с дневниками, — словно записи сделаны спонтанно и отражают события, мысли и эмоции, как они появляются в реальном времени на протяжении дня — неотрефлексированными и неотредактированными. Это одна из многих причин, по которой социальные сети нередко описывают как современный формат дневников. Если в случае с сайтом «живость» в большей степени связана с практиками чтения и реакциями читателя, то здесь на первый план выходит возможность прочувствовать непосредственность, живость наблюдений и авторского опыта дайариста.

Любопытно, что для этой цели Гифорд выбрал именно дневник Пипса, с одной стороны, действительно ставший классикой литературы и важнейшим историческим свидетельством по истории Англии 1660-х годов, а с другой — кажущийся прекрасным примером «живого» дневника, хотя не вполне соответствующий привычному пониманию. Пипс действительно делал заметки на ходу благодаря новым для того времени возможностям, позволявшим писать не только за столом, — специальным блокнотам со стилусом и воощеными страницами, первым карандашам и заправляемым ручкам, которыми писали на сложенных листах бумаги. Однако, как прекрасно показывают авторы последней транскрипции дневника, эти непосредственные записи сортировались для разных заметок — книги расходов, делового журнала, интеллектуальных размышлений и т. д., — а потом они собирались в одну запись с более развернутыми предложениями и после этого переписывались набело [Perus 2000 (1): cii–cii]. И языковая простота, близость к разговорной речи, которая делает текст Пипса очень современным, на самом деле объяснялась вовсе не непосредственностью письма, а совершенно обдуманном способом выражения мысли и особенностями стенографии.

Пользователи «Твиттера» могут комментировать записи, ставить лайки. Причем часть комментариев делается от лица самого Пипса, фразами, взяты-

ми из записи того же дня. Таким образом он как бы участвует в обсуждении собственных твитов. Складывается впечатление, что Пипс изо дня в день ведет такую же активность, как и его читатели, он постоянно, на протяжении нескольких лет присутствует в их жизни, поэтому совершенно неудивительно, что он превращается в своеобразного «своего парня», с которым можно выстроить определенное «общение». На его твиты переносится стиль коммуникации, типичный для «Твиттера», чему в немалой степени как раз способствуют стилистические особенности дневника. Пользователи, комментирующие записи, обращаются к нему еще более панибратски, чем пользователи сайта с дневником (вплоть до фамильярности), нередко даже снисходительно — не просто «Сэм», но «Сэмми», «старина», «мальчик мой», «дружище» и т. п.:

@ samuelpepys Затем — в постель, где мы с женой обменялись парой ласковых по поводу того, что я выкину в окно собачонку, которую ей подарил ее брат, если та еще хоть раз наделает в доме.

@TerryDwyerSyd Да ладно тебе, Сэм, это всего лишь щенок

@BrownPennyMusik Твой шурин ПРЕКРАСНО понимал, что он делает, Сэмми. Ненавидит тебя с самого первого дня. И, готов поспорить, если ты оглянешься назад, то увидишь, как он с самого начала тонко над тобой издевался. Он с друзьями смеется над тобой

@BlindBoy2020 Сэмми, детка, это был ты сам. Ты снова напился. Пожалуйста, положи собаку и возвращайся в постель. Прошу тебя, уже поздно

(13 февраля 2023 г.,

<https://twitter.com/samuelpepys/status/1624891281083170822>)

Обилие откликов пользователей и долгая жизнь обоих проектов свидетельствуют об успешности попытки «живого чтения», позволившего создать ощущение интимности в этом новом формате публично доступного текста. Когда оба проекта подошли к концу в 2012 г., расставание вызвало очень эмоциональную реакцию у пользователей обоих проектов, даже у тех, кто не участвовал в комментировании:

Murray 1 июня 2012 г.

В течение 9 лет и нескольких месяцев я как молчаливый читатель наслаждался дневником и комментариями.

Фил, твоя работа принесла столько удовольствия стольким людям — спасибо тебе.

Сэм, если бы только твои глаза были лучше. Если бы ты продолжал писать. Если бы ты только начал раньше. Если бы только Элизабет не подхватила эту лихорадку¹⁵. Если бы только....

Bill 1 июня 2012 г.

Я молчаливо присутствовал на этом сайте где-то со второго года его существования; все это время он был моей домашней страницей, так

¹⁵ Элизабет, жена Пипса, скончалась от брюшного тифа 10 ноября 1669 г., буквально через несколько месяцев после окончания дневника.

что ежедневная запись Сэма — первое, что я вижу утром. Я понятия не имею, чем я его заменю. Спасибо Филу за то, что он осуществил это, и всем тем, чьи аннотации сделали это более интересным.

(<https://www.pepysdiary.com/diary/1669/05/31>)

@mikejolk Парень, ты реально меня расстроил!

(1 июня 2012 г.,

<https://twitter.com/mikejolk/status/208286806012198913>)

@matthewcobb Нееееееет! Не останавливайся! Начни сначала, пожалуйста!

(1 июня 2012 г.,

<https://twitter.com/matthewcobb/status/208291113612742657>)

@CharlieBeckett Мне будет очень тебя не хватать!

(1 июня 2012 г.,

<https://twitter.com/CharlieBeckett/status/208300029482504192>)¹⁶

Реакция, с одной стороны, очень схожа с тем, что может испытывать читатель при окончании полюбившейся книги и, безусловно, связанная с ощущением близости к автору/герою (интересным образом в них даже появляется та самая ностальгия «если бы» по не случившимся возможностям, ассоциируемая с «обычным» чтением дневника). С другой — она очень отличается, хотя бы потому, что выражается в словах при комментировании текста. И даже по стилистике записей очевидно, что ощущение интимности формируется иными и разными способами.

Я не стану обсуждать все значение особенностей медиа, о которых после Маршалла Маклюэна, провозгласившего ставшее знаменитым «средство коммуникации есть сообщение» [Маклюэн 2003: 9], написаны горы исследований. Новые медиа, социальные сети, блогинговые и микроблогинговые платформы предоставляют пользователю определенные возможности и формат коммуникации, которые, несомненно, оказывают влияние на то, как формируется и воспринимается сообщение. В данной статье речь идет лишь об одной особенности, определяющей практики чтения в этих двух проектах и имеющей непосредственное отношение к появляющемуся чувству интимности и переживаний от ее прекращения. Наиболее очевидная черта, объединяющая их и одновременно отличающая от других привычных, в том числе и цифровых моделей чтения, — это подчеркнутая фрагментарность и растянутость чтения дневника, обусловленная тем, что в каждый момент времени пользователь получает доступ лишь к одному отрывку текста.

Этот прием производит интересный эффект — одновременное разрушение целостности нарратива и формирование ощущения единой длящейся истории. Пользователи и в одном, и в другом проекте ни в какой момент времени не получают нарративно, визуально и/или материально целостного тек-

¹⁶ Сохранились не все аккаунты, активные на 2012 г., поэтому не все комментарии к последним записям Пипса можно увидеть через его аккаунт. Для сравнения можно посмотреть отклики на последнюю запись второго круга чтения в 2022 г. (1 июня 2022 г., <https://twitter.com/samuelpepys/status/1531746213359403008>).

ста, но каждый раз имеют дело с отдельно взятым фрагментом¹⁷. В наиболее явной форме это проявляется в «Твиттере», где текст разлагается на отдельные, не связанные в единое повествование фразы. То, что дневник, публикуемый и читаемый на этой платформе, оказывается одним из многих, отдельные фрагменты которых даются пользователю вперемешку, лишь подчеркивает это исчезновение литературного единства текста. Как отмечала Вера Зверева, «В Твиттере производится сдвиг от связного текста к разрозненным высказываниям: их взаимные связи обнаруживаются уже не в пределах авторского дневника, но на стыках между разными микроблогами, в полном смысле этого слова виртуальном пространстве» [Зверева 2012: 34].

В то же время для такого специфического случая, как публикация в «Твиттере» реально существующего и хорошо известного дневника, это не совсем так, ибо знание о Пипсе и о целостном и законченном тексте и присутствие в тексте деталей явно устаревшей повседневности (включая и язык и даже точки в конце твитов) выделяет его из остальных микроблогов, напоминая, что каждая конкретная запись — часть уже завершившейся истории. Это еще более заметно в публикации на сайте, где каждая публикуемая запись снабжена датой, укореняющей ее в прошлом. Историчность в значении history сама по себе сохраняет смысловое единство истории (story) даже вопреки отсутствию единого нарратива. При, казалось бы, полном исчезновении целостного текста дневника сохраняется и иногда становится видимой манера оценивать многие поступки и высказывания не в рамках сиюминутной темпоральности конкретного дня и жизненной ситуации, а в контексте целостной «жизни» даже не столько автора (как писала П. Деотто), сколько читателя, проецирующего на описываемые события свой жизненный опыт:

@samuelpepys М-р Кук возвратился из Лондона с пакетом, из-за которого Милорд на целый день погрузился в задумчивость.

@Ithacaron Решения, решения

(15 апреля 2023 г.

<https://twitter.com/samuelpepys/status/1647293748009631744>)

Имеет значение и еще одна особенность дневника Пипса — почти (за исключением двух случаев) не нарушаемая размерность записей, в которых описывался буквально каждый день на протяжении около 9,5 лет. Пользователи сайта обращали внимание на обусловленную этим ритмизированность их собственного чтения и связанное с ней удовольствие, но также и дисциплинирование (подобное тому, к которому должен прибегать автор), необходимость каждый день выкраивать время для чтения и комментирования:

¹⁷ Стоит оговорить, что сайт, на котором опубликован дневник, дает возможность читать все записи, сохраняющиеся в архиве. Многие пользователи (например, исследователи), не связанные с подпиской, используют его именно таким образом для быстрого поиска по тексту или дополнительной информации из собранной энциклопедии. Но в данной статье эта модель чтения не рассматривается.

Bonny 27 января 2003 г.

Я живу в Калифорнии, где дневниковая запись появляется в сети в 15:00. Я не могу удержаться, чтобы не прочитать ее сразу же, но это означает, что придется вернуться на следующий день за всеми аннотациями!

Todd Bernhardt 28 января 2003 г.

Не волнуйтесь, Бонни!

Я делаю то же самое, только на три часа позже Вас (Вы в моем будущем, или я в Вашем прошлом? 8^)... Я на восточном побережье США, но всегда стараюсь просмотреть дневную запись перед уходом с работы (что я и делаю сейчас)... как Вы говорите, спасибо за ссылку «Последние аннотации»!

Warren Keith Wright 28 января 2003 г.

Дневная запись появляется около 8 вечера по центральному времени здесь, в Миссури. Если поместить сайт в «Избранное» браузера, то можно легко заглянуть на него, чтобы найти дополнения к вчерашним записям. Не иезуиты ли говорили, что «лишние 15 минут всегда пригодятся»? С таким доступом к Пипсу и людям, думающим о Пипсе, даже 3 минуты имеют значение!

(<https://www.pepysdiary.com/diary/1660/01/27>)

Этой особенностью текста определяется регулярность чтения в данных проектах, благодаря чему Пипс не пропадает из виду. Его жизнь, читаемая пользователями, разворачивается максимально правдоподобно в силу полного совпадения темпоральностей — один день жизни Пипса соответствует одному дню жизни читателя. Похожую игру с соотношением внутренней хронологии событий или повествования и ритмов чтения можно найти во многих юбилейных исторических проектах, а также совместном онлайн-чтении романов. В качестве примера можно привести чтение «Опасных связей» Шодерло де Лакло на платформе «LiveJournal»¹⁸. Реакции пользователей здесь в целом очень похожи на комментарии пользователей сайта «The Diary of Samuel Pepys» с учетом того, что интерес комментаторов лежит больше в литературоведческой, а не исторической плоскости. Однако, как можно увидеть по замечаниям пользователей, такая модель чтения оказалась менее удачной для эпистолярного романа. Неравномерные временные промежутки между фрагментами повествования, естественные в переписке, при таком темпе чтения резко снижают накал страстей и целостность интриги и не позволяют выстраивать ожидания. Комментарий одной из пользовательниц показывает, как работает это соотношение двух темпоральностей:

17catherines 15 января 2007 г.

Конец.

Мне было интересно, будет ли что-то еще впереди, или она (книга. — А. С.) уже закончилась в декабре.

Как вы считаете, насколько книга выиграла от того, что ее читали в таком формате? На мой взгляд, в первой половине книги или

¹⁸ См.: Les Liaisons Dangereuses in real time (<https://lesliaisons1782.livejournal.com>).

около того напряженность усиливалась тем, что нельзя было читать наперед, и поэтому оставалось гадать, что происходит в промежутках между письмами. То, что они появлялись у других моих друзей в livejournal, также добавляло странное ощущение реальности, а не вымысла. А постоянные разговоры с другими читателями на полях истории определенно делали все это более интересным (в первые месяцы истории, по сути, граничащим с одержимостью).

Тем не менее я обнаружила, что по мере того как письма все дальше отстояли друг от друга на более поздних этапах книги, мой интерес ослабевал, возможно, потому что мы слышали о персонажах реже и они становились менее важной частью моей читательской жизни, а возможно, потому что мне становилось все труднее испытывать симпатию к некоторым из них, поскольку все они, казалось, двигались в сторону крайностей, которые я находила непривлекательными.

(<https://lesliaisons1782.livejournal.com/48728.html>)

Для восприятия читателем каждой конкретной записи при наличии умозрительной рамки, связанной с целостностью повествования (исторического события, жизни автора или сюжета романа), важной является и та часть этой истории, которая находится в поле его зрения. При таком темпе чтения это несколько дней, от силы недель, в течение которых можно удерживать в памяти описываемые события. Отрезок истории (в равной мере и history, и story), который имеет значение в каждый момент чтения, повисает между уже подзабывшимся и еще не прочитанным. Только в его рамках можно увидеть взаимосвязи и выстроить объяснения. В случае с дневником Пипса это формирует интересный образ прошлого, максимально близкий к опыту очевидца (и, соответственно, автора дневника), в котором заметны лишь процессы небольшой длительности, отдельные события и детали, политическая конъюнктура и особенно повседневность.

Основная активность, связанная с чтением дневника пользователями сайта, направлена на эти оказывающиеся в поле памяти детали и процессы прошлого, преимущественно те, что кажутся странными, непонятными, не вполне укладывающимися в опыт читателя. Техника медленного чтения как раз позволяет углубляться в детали, что замечают сами пользователи:

РНЕ 28 января 2003 г.

Все еще январь!

Трудно поверить, что мы все еще находимся в первом месяце 10-летнего дневника Сэма. Читая бумажную копию его дневников, вы, вероятно, справились бы с этим менее чем за час. В темпе сайта у вас гораздо больше времени, чтобы рассмотреть и оценить детали, а благодаря количеству дополнительных материалов в аннотациях это гораздо более полезно. Я считаю, что это одно из лучших применений Интернета, которое я видел, и прекрасное сочетание науки и искусства.

(<https://www.pepysdiary.com/diary/1660/01/27>)

Реакции пользователей «Твиттера» в подавляющем большинстве иные, но также связаны с темпоральностью самого акта чтения. Как отмечают исследователи, подавляющее большинство бесед в «Твиттере» близки по стилю и функциям к обыденной «болтовне», поскольку «ценность текстовой коммуникации в реальном времени заключается в повседневной рутине, которая отдает предпочтение фактическим, а не когнитивным сообщениям» [Dijk 2011: 340]. Записи, сделанные от имени Пипса, видятся как максимально непосредственные, неотрелфлексированные и очень житейские реакции на повседневные события и заботы. Это способствует тому, что пользователи с легкостью экстраполируют на Пипса свой опыт, или наоборот — его заботы и наблюдения встраиваются в актуальную жизнь читателей. Все это практически сводит на нет историческую дистанцию. Прошлое не просто оказывается очень актуальным именно с такой повседневной точки зрения, оно лишается своей странности и непохожести и встраивается в личный опыт читателя. Единственным маркером сохраняющейся границы оказывается ирония, которой пронизаны комментарии:

@samuelpepys *На обратном пути наша карета сломалась на Линкольнс-Инн-Филдс. Пришлось идти пешком до Флит-стрит, а там поймал экипаж — и домой.*

@woodenscot 10.000 шагов в день, Сэм. Пешочком до самого дома
(2 декабря 2017 г.,
<https://twitter.com/samuelpepys/status/937016213586219008>)

@samuelpepys *После ужина домой, служанка уже собрала все вещи для завтрашней стирки. И — ко сну, мучился от простуды и кашля.*

@mjp_hall1980 Сделал ли ты тест на Ковид, Сэм?
(12 марта 2023 г.,
<https://twitter.com/samuelpepys/status/1634680844940869638>)

@samuelpepys *По воде в Лондон и на Фиш-стрит моя жена и я купили кусок лосося за 8 пенсов, отправились в таверну «Солнце» и съели его. И там я пообещал, что в случае, если я умру, будучи в море, ей останется все, кроме моих книг.*

@swordfish7774 8 пенсов за кусок лосося??? Будь я на вашем месте, Сэмюэль, я была бы страшно недовольна, даже чудовищно расстроена

@stevejosephson Я свои книги заберу с собой, когда умру. Все три
(15 марта 2023 г.,
<https://twitter.com/samuelpepys/status/1636006873060057091>)

В обоих проектах (а также при медленном онлайн-чтении «Опасных связей», как видно из представленного выше комментария) еще одной важной, определяющей эту модель взаимодействия с личным дневником особенностью является включенность чтения в повседневный опыт пользователя и внимание к соответствующему опыту автора текста. Комментарии обнаруживают переживание и понимание включенности дневника в повседневный опыт, когда он не отделен от проживания своей собственной жизни и является одним из источников удовольствия:

Jenny 9 января 2003 г.

Я очень довольна этим сайтом; теперь я могу получать ежедневно порцию «Пипса» и тройную — в понедельник утром, когда прихожу на работу. Что оставляет меня перед дилеммой — что мне делать, когда я в отпуске? Накопить две недели дневниковых записей (к тому моменту. — *А. С.*), когда я вернусь, или делать спорадические визиты в интернет-кафе?

(<https://www.pepysdiary.com/diary/1660/01/08>)

Colin Gravois 20 июня 2003 г.

Моя жена, дочка и собака вернулись домой сегодня.

Мы все пытались придумать различные объяснения отчуждению Сэма от Элизабет, но, видимо, вся эта ругань была напрасной, или нет? Вернулась ли она из поездки за город? Или теперь между ними все наладилось? Время покажет.

(<https://www.pepysdiary.com/diary/1660/06/19>)

Betsy 13 марта 2012 г.

Я чуть не выплеснула свой кофе на компьютер, когда прочитала ту часть о лохматой служанке с оспой. Мне это нравится! Я не думаю, что она (Элизабет Пипс, жена дайариста. — *А. С.*) когда-либо собиралась нанять красивую горничную. Все это просто женская уловка...

(<https://www.pepysdiary.com/diary/1669/03/12>)

Интерактивность проектов позволяет наглядно увидеть то, что нередко ускользает от внимания исследователей (поскольку возможность узнать обычный отклик непосредственно в момент чтения появляется нечасто), — любое чтение есть часть повседневного опыта и имеет значение в первую очередь именно в контексте сопровождающих его будничных дел, событий и общения:

Clement 1 июня 2012 г.

Я добавляю свою огромную благодарность и похвалу Филу и всем нашим участникам и соратникам. Эта страница, которая была моей «домашней страницей» на протяжении более восьми лет, замечательно обогатила мою жизнь

Мне нравилось делиться особыми моментами с семьей и друзьями, а также знакомить других с сайтом, когда я проводил веб-тренинги на работе и «случайно» оставлял страницу своего дневника для просмотра на длительное время. <...>

Robert Watson 1 июня 2012 г.

Мне жаль, что я, как и многие другие, нашел этот сайт сравнительно недавно. Я не обратил на это внимания, но думаю, что слежу за дневником Пипса здесь уже почти два года. За это время у меня случился сердечный приступ — в конце февраля 2011 года, и до этого у меня были другие проблемы со здоровьем. Чтение «Дневника» было чем-то, за что можно было ухватиться, и это было ежедневным чтением и умственным упражнением.

(<https://www.pepysdiary.com/diary/1669/05/31>)

Пользователи были особенно чувствительны к тому, как именно читался в дневник, в первый месяц чтения и при расставании с ним. Внезапное окончание чтения, которое длилось несколько лет, превратилось в ежедневную практику, «приятный ежедневный ритуал», только подчеркнуло его значимость в контексте организации повседневности пользователей. Некоторые из них упоминали про кофе как ставший символическим ежедневный домашний ритуал:

Grahamt 31 мая 2012 г.

В течение девяти лет и нескольких месяцев я читал этот журнал по утрам, как только появлялась новая запись, с утренним глотком кофе. <...>

Elma on 31 мая 2012 г.

Присоединяясь к хору наблюдателей, которые были здесь с самого начала, я хочу поблагодарить Фила и аннотаторов. Каждое мое утро начиналось с Пипса и кофе. Не представляю себе, как я теперь буду. Еще раз спасибо.

Australian Susan 3 июня 2012 г.

Утром в понедельник села за ноутбук, кофе в руках, на коленях кот, и тут поняла — нет записи в «Дневнике», которую можно было бы прочитать перед тем, как отправиться на работу. Чувствую себя очень обделенной.

(<https://www.pepysdiary.com/diary/1669/05/31>)

Размеренное растянутое чтение создало совершенно иной механизм формирования близости между автором/героем и читателем (отчасти и провоцируя такие почти интимные комментарии), поскольку позволило буквально на собственном опыте ощутить саму практику ведения дневника изо дня в день и значимость его окончания. И это не просто привычная печаль читателя дневника от того, что заканчивается хороший текст и некоторая связь с его автором. На первый план выходит идея о том, что конец дневника — это конец какого-то ставшего привычным образа жизни. Это переживание очень близко к авторскому, как его описывал сам Пипс:

Вот на этом все и заканчивается, ибо я сомневаюсь, что мои глаза позволят мне продолжать вести дневник. Я не в состоянии писать дальше, я продолжал, сколько мог, пока мои глаза не стали болеть почти каждый раз, когда я беру в руку перо. И потому что бы ни случилось дальше, я должен воздержаться. И, следовательно, решил, что с этого времени его будут вести мои слуги, делая записи обычным письмом, и поэтому придется довольствоваться тем, чтобы записывать не более того, что можно открыть им и всему миру. А если и будет что-то (явно немного теперь, когда моя любовная связь с Деб уже в прошлом, а глаза затрудняют мне почти все иные удовольствия), я должен стараться сохранять поля в моей книге пустыми, чтобы добавлять, то тут, то там, собственноручные заметки стенографией. И таким образом я должен прибегнуть теперь к такому способу, что почти равносильно тому, чтобы увидеть, как я схожу в могилу. К этому и ко всем неудобствам, которые будут сопровождать меня, слепого, приготовь меня Господь! [Pepys 2000 (9): 564–565].

Такой читатель может оценить, насколько это решение меняет весь повседневный опыт. Дело не только в том, что вечера теперь надо занимать чем-то другим. Как подмечали исследователи, Пипс — не сразу, но с какого-то момента — начал подстраивать свою жизнь под дневник, он делал что-то, о чем было бы здорово написать в дневнике [Berger 1998: 579]. Привычка наблюдения и самонаблюдения была нацелена на дневник. Как и у читателей этих проектов, у автора текста с его окончанием перестраивается вся повседневность. Такой тип чтения подчеркивает, что дневник — это в первую очередь повседневная практика письма, вокруг которой выстраивается вся жизнь. И потому каждый новый день требует продолжать писать, и в этом отношении прекращение ведения дневника — это всегда слом, обозначающий достаточно важные изменения привычной повседневности. Сама практика ежедневной фиксации жизни, таким образом, неизбежно связана с некоторым ощущением печали либо от того, что повседневность сохраняется, либо от ее нарушения.

Впрочем, некоторые пользователи стали читать дневник по второму и даже по третьему кругу. Поскольку на сайте «The Diary of Samuel Pepys» вместе с каждой очередной записью можно посмотреть и сделанные ранее комментарии, они стали своеобразным дневником собственной жизни пользователей. Тем более, что большинство из них не только читали дневник каждый день на протяжении более девяти лет, но и писали комментарии, т. е. действительно вели своеобразный дневник. Перечитывая их, они выражают ностальгию, близкую к той, что приписывается автору дневника, обравившемуся к нему после завершения.

Hampshire Dave 3 февраля 2021 г.

Я вернулся на этот сайт в 2021 году, получив огромное удовольствие от него в середине 2000-х годов. Мне нравится читать материалы. В отличие от того, как поразительно знакомо многое из повседневной жизни Сэмюэля 360 лет назад, некоторые комментарии здесь, написанные всего 18 лет назад, кажутся почти чужими, например, Дженни беспокоится о том, как она справится без этого сайта в отпуске, и размышляет о поиске интернет-кафе¹⁹. Боюсь, наш мир меняется быстрее, чем мы узнаем, как с этим справиться.

San Diego Sarah 3 февраля 2021 г.

Как верно; и с возвращением.

У нас есть то, чего не было у аннотаторов 10 лет назад, — это опыт борьбы с пандемиями.

Как жительница Калифорнии, я понимаю, что такое пожар, поскольку была так же близка к двум, как Пипс к одному. А нынешняя странная политическая неопределенность, которую Пипс переживает в конце «Дневника», напоминает совсем недавние события по обе стороны пруда (т. е. Атлантического океана. — А. С.). Мне интересно, как будет выглядеть наш Дуврский договор / Папистский заговор. У нас только что Карл I ворвался в парламент, желая арестовать его членов²⁰. Чем больше все меняется, тем больше остается прежним.

¹⁹ См. об этом на с. 196.

²⁰ Вероятно, это ироничная отсылка к захвату Капитолия 6 января 2021 г., когда толпа сторонников Дональда Трампа, которую спровоцировали его заявления о нарушениях на

Только по-другому. Недостаток достоверной информации был проблемой Пипса; у нас слишком много недостоверной информации. Я подозреваю, что результат тот же: люди справляются с ситуацией как могут в меру своих сил, внося в нее все новые и новые коррективы. И большой дозой (т. е. благодаря большой дозе. — А. С.) иногда желчного юмора Роберта Гирца²¹. Так что оставайтесь дома, читайте «Дневник» и, пожалуйста, делайте аннотации.

(<https://www.pepysdiary.com/diary/1660/01/08>)

Представляется очень интересным, в чем-то постмодернистским опытом, когда прошлое действительно становится частью жизни читателя такого дневника. Оно все время, буквально каждый день сопровождает читателя и, безусловно, каким-то образом влияет на его собственную жизнь. Что интересно, в большинстве своем читатели сайта «The Diary of Samuel Pepys» (про пользователей «Твиттера» такую информацию собрать сложнее) не англичане, т. е. для них это еще и чужое прошлое. Отмеченный в комментарии Hampshire Dave парадокс чуждости собственного прошлого и близости повседневности Пипса имеет и прямое отношение к тому, как функционирует историческая память в цифровом пространстве, — и к повседневности присутствия прошлого в опыте пользователя Интернета, и к тому, что понимание прошлого зачастую происходит преимущественно/исключительно через сопоставление с собственным опытом. Последнее прекрасно видно на примере прочтения дневника Пипса в «Твиттере». Комментарии пользователей строятся на принципе очень близком к тому, как функционируют исторические, в особенности популярные медиевалистические мемы, которые «порождают комизм из несоответствия и социального сходства» [Wilkins 2014: 200] (мемы, в свою очередь, нередко используются как тип комментария).

На сайте, где опубликован дневник, напротив, внимание пользователей привлекает то, что находится за пределами сегодняшних реалий. Читатели намеренно выискивают даже такие детали, которые на первый взгляд кажутся совершенно обыденными и понятными, — рецепт какого-нибудь блюда, упоминавшегося Пипсом и известного даже сейчас, но, как оказывается, делавшегося иначе; детали религиозного праздничного ритуала, также изменившегося со временем. Все это подчеркивает временную дистанцию и статус прошлого как объекта любопытства. Комментирование отдельного факта или слова строится на перемещении информации из любых доступных ресурсов — исследований, энциклопедий и словарей, генеалогических справочников для прояснения какого-то конкретного фрагмента текста Пипса и, соответственно, какого-то фрагмента прошлого. Дальше этого дело не идет, такой цели и не стоит перед участниками²², они находят удовольствие именно в этом перепри-

президентских выборах, ворвалась в Капитолий с целью остановить подсчет голосов и объявление победителем Джо Байдена.

²¹ Имеется в виду один из пользователей проекта, о котором подробнее речь пойдет далее.

²² Инструменты для этого тоже имеются. Сайт, как и многие другие ресурсы, позволяет разные типы чтения, и многие исследователи, и я в том числе, используют его для быстрого поиска нужной информации. В этом смысле очень интересно, как этот ресурс помогает интегрировать профессиональное и непрофессиональное занятие историей. Пользователи-

своении информации. Да и сама фрагментированность чтения, его растянутость на годы безусловно препятствует нахождению каких-то закономерностей за пределами той информации, которая удерживается в памяти, т. е. в пределах, как правило, месячного интервала записей²³.

Однако интересно, что в обоих проектах сложившаяся доминирующая модель коммуникации с текстом / прошлым иногда дает сбой, и тогда прошлое на глазах расслаивается и требует принципиально другой реакции:

@samuelpepys Я видел генерала Монка, и мне думается, что он выглядит грузным и скучным человеком.

@FenJordan1 Генерал мог быть нетрезв. Джордж Монк, 1-й герцог Албермарл, граф Торрингтон, барон Монк из Потериджа, барон Бошан, барон Тейз (родился 6 декабря 1608 в Грейт Потеридже, Дэвон, Англия. В годы Войн трех королевств он сражался на обеих сторонах.

(15 марта 2023 г.,

<https://twitter.com/samuelpepys/status/1635614458251825153>)

В некоторых дискуссиях пользователей сайта, напротив, прошлое, с интересом разглядываемое во всех его непонятных и незнакомых деталях, то и дело обнаруживает свою актуальность, порождая, как уже отмечалось выше, обращения к самому Пипсу, подобные тем, что встречаются в «Твиттере», либо бурные, порой болезненные обсуждения. Примером является запись Пипса о том, как, придя в гости к корабельному плотнику и отобедав, он отослал его по делам, а сам к большому удовольствию проделал «все, что хотел» с его женой, невзирая на ее сопротивление [Pepys 2000 (5): 351], вызвавшая дискуссию о сексуальном насилии и его публичном обсуждении²⁴.

Эта нестабильность прошлого, то и дело выходящая за сложившиеся рамки коммуникации, во многом обусловлена сохраняющейся странностью самого дневника, не вполне вписывающегося в медийные рамки блога / микроблога и принятых тем, форматов, практик коммуникации, невзирая на их многообразие. Эта странность, как правило, существует по умолчанию, но иногда становится заметна:

@samuelpepys На Чаринг-кросс, посмотреть как генерал-майора Харрисона повесят, выпотрошат и четвертуют. Он держался очень бодро, насколько это вообще возможно в его положении²⁵.

любители собирают информацию, которой потом пользуются историки и пишут исследования, из которых пользователи выискивают новые детали для комментирования.

²³ Такое понимание, присвоение прошлого через комментирование отдельных деталей без дальнейшей аналитической работы, без попыток проанализировать всю их совокупность оказывается хотя и долгоиграющим, но все же конечным. Количество комментариев с каждым новым кругом чтения уменьшается, тогда как в «Твиттере» оно более стабильно благодаря бесконечным возможностям переозначивания. Проект начинает приспособляться под это обстоятельство, чтобы сохранить этот интерес. Одним из новшеств нынешнего третьего цикла чтения стало введение в текст элементов из более современной транскрипции дневника Пипса там, где расходятся издания 1893 г. и 1980-х годов. Долгое время это было одним из направлений для комментирования пользователями. Теперь информация, добавленная в тело текста, сама становится новым объектом для комментирования.

²⁴ См.: <https://www.pepysdiary.com/diary/1664/12/20>.

²⁵ См. выше реакцию пользователей сайта на ту же запись из дневника (с.188).

@kevinschawinski Очень странный аккаунт/персона в Твиттере

@fishingsmack В этот день в 1660 году

@shirtsleeves В его положении до, в процессе или после, Сэм?

@2easyc0 Эх, вот были развлечения!

@champnav 13 октября 1660 года. Это аккаунт, который твитит в реальном времени, но с опозданием в 353 года

(13 октября 2013 г.,

<https://twitter.com/samuelpepys/status/389316100141645824>)

Текст дневника, встраиваясь в повседневное общение разных людей, сохраняет специфическую автономность и некоторую дистанцированность, что также выделяет его среди большинства других микроблогов. В «Твиттере» Фил Гиффорд не использует хештэги, которые позволили бы связать высказывания Пипса с любыми другими; «Пипс» не подписан на другие микроблоги; двусторонняя коммуникация с ним также оказывается иллюзией, коль скоро он никогда не отвечает на комментарии пользователей. Наконец, само знание о Пипсе и его дневнике превращает всю эту коммуникацию в игру. Дайарист функционирует подобно вымышленному, не вполне реальному персонажу (в различных соцсетях сейчас можно найти немало примеров подобных аккаунтов героев сериалов, мультфильмов и т. п.), который может вести себя странным на современный взгляд образом, но с которым гораздо проще «общаться» — можно запросто комментировать его сексуальные похождения или высмеивать какие-то поступки или наблюдения. В каком-то смысле он оказывается очень удобным собеседником, с которым можно позволить себе гораздо больше, чем с реальным живым человеком:

@samuelpepys Долго лежал в постели, разговаривая с женой. Она не хочет отпускать меня в поездку, заявляя, что ревнует и опасается, что я отправляюсь к Деб (бывшая служанка в доме Пипсов и любовница Сэмюэля. — А. С.), что я отрицаю.

@thebellman Держи штаны застегнутыми, Сэм

@liathainjoe Конечно, ты будешь все отрицать, подлец!

(18 ноября 2021 г.,

<https://twitter.com/samuelpepys/status/1461236706758303744>)

В некоторых случаях можно увидеть, что складывающееся псевдообщение с Пипсом во многом обусловлено рамкой стереотипного восприятия личного дневника, которая продолжает применяться читателями к тексту и определяет их реакции. Особенно это заметно в том, что сопереживание, которое очевидным образом не достигнет адресата, нередко высказывается несколько высокопарно для повседневного общения и связано с изрядной долей ностальгии:

@samuelpepys Сразу после этого — ужинать и ко сну. Немного взволнован грузом дел, которые на меня сейчас навалились.

@teragramytrehod Мы все сейчас чувствуем что-то вроде этого, Сэм

@Nexxo00 Мы все через это прошли, Сэм. Мы все через это прошли.

@CallypWatts По правде говоря, Сэм, это можно сказать о многих из нас, страдающих от «груза» в данный момент.

@TracyPuklowski1 Я услышал тебя, Сэм

(28 марта 2022 г.,

<https://twitter.com/samuelpepys/status/1508189729661009930>)

Внутри одного аккаунта эти комментарии существуют как бы в разных регистрах, но переключение между ними (двумя моделями взаимодействия с текстом — как микроблогом и опубликованным личным дневником) совершается довольно легко. Разные пользователи часто подстраиваются под выбранную одним из комментаторов интонацию.

Необычность дневника как блога делает очевидной множественность фреймов, определяющих восприятие читателя. У пользователей сайта правдоподобность и одновременно невсамделишность текста дневника как блога вызывала ассоциации с драматическим кино, а в особенности с сериалом, в силу его предсказуемой продолжительности. Уже через пару недель первого круга чтения один из пользователей воскликнул: «*Bay!* Это лучше, чем «*Эммердейл*»!»²⁶, имея в виду известную в Британии мыльную оперу²⁷. Один из постоянных пользователей Роберт Гирц (Robert Gertz) запомнился тем, что то и дело придумывал диалоги, которые могли бы случаться в описываемых ситуациях²⁸. И эти рамки, которые пользователи применяют к тексту, сильно влияют на его восприятие. Сериальность привносит ощущение дневника как драматического приключенческого повествования, развивающегося по определенной логике, которая может быть непонятной в каждый конкретный момент, изобилует неожиданными событиями и поворотами сюжета. Она помогает создавать впечатление целостности разбитого на куски повествования. Участники проекта, например, намеренно не забегают вперед, даже для того чтобы найти ответы на обсуждаемые вопросы, и рассматривают такие ком-

²⁶ Paul, 13 января 2003 г. (<https://www.pepysdiary.com/diary/1660/01/13>).

²⁷ «*Эммердейл*» (Emmerdale, 1972–...) — британская мыльная опера на ITV.

²⁸ Пример таких комментариев (диалог к записи от 20 июля 1664 г.):

«Так, так, так. Бетти Лейн, то есть Мартин, старая замужняя женщина. Ты надела белое, девочка моя?»

«Отстань!»

«Бетти... Сейчас, сейчас...»

«Эй, послушай-ка. Кто ты такой? И что это ты делаешь с моей женой?»

«Ах, да. Вы, должно быть, мистер Мартин. Пипс, сэр. Сэмюэль Пипс, эсквайр. Клерк Актвов Флота Его Величества и добрый клиент вашей дорогой жены».

«Да? Что ж, хорошим покупателям рады... Если только они держат свои руки при товаре, а не при миссис».

«Действительно, сэр. Надеюсь, вы не предполагаете... Сэр, вы говорите с Сэмюэлем Пипсом. Джентльмен, сэр, приличия и долг...»

«Подождите? Пипс?...»

«Послушай, Мартин, дорогой. Мистер Пипс служит в военно-морском ведомстве...»

«Это тот самый парень? Тот, которого Джеймс видел в окно в тот день? Тот, который гладил тебя и ущипнул за...»

«Сэр, я думаю, вы ошиблись... Отпустите меня, сэр! Хьюэр!!! (Уильям Хьюер — помощник Пипса. — А. С.)» (Robert Gertz, 21 июня 2007 г., <https://www.pepysdiary.com/diary/1664/07/20>).

ментарии о будущем как спойлер. Сама коммуникация, выстроенная пользователями, и способ прочтения текста во многом обусловлены практиками обсуждения в фанатских сообществах, посвященных, например, историческим романам или сериалам.

Эта множественность фреймов, влияющих на восприятие читателей, неизбежно возвращает нас к вопросу о нарушении интимности, «погружении» в чужую жизнь как ключевой характеристики чтения личного опубликованного дневника и цифровых дневников. Коммуникативная функция, более очевидная в современных блогах в силу их большей публичности и открытости чужим комментариям, нашла выражение в родившемся внутри блоговой культуры понятии экскрибционизма, обозначающем желание показать себя миру, которое использует для анализа истории коммуникативной составляющей онлайн-дневников Лена Бафорд [Buford 2020: 430]. Несомненно, это обстоятельство влияет и на восприятие дневника Пипса, представленного как блог, т. е. текст, заведомо предназначенный для прочтения. Как отмечал сам Гиффорд, удовольствие от дневника несопоставимо с тем, что получаешь от блога, ибо если бы Пипс знал, что его будут читать, он бы о многом умолчал [Gyford 2003]. Подглядывание, даже за самыми постыдными и интимными делами, в онлайн-дневнике перестает в полной мере быть таковым уже потому, что оно легитимировано не издателем, но скорее самим форматом блога. Вопреки словам Гиффорда (и, возможно, изначально ощущениям читателей) привычка к чтению блогов стала сказываться и на восприятии этой версии дневника. В дискуссии о совершенном и описанном Пипсом сексуальном насилии, помимо вопросов морали и изменчивости этических норм, возник и вопрос, близкий к современной проблематике каминг-аутов с точки зрения добровольного придания публичной огласке каких-то потенциально осуждаемых аспектов приватной жизни:

Ruben 21 декабря 2007 г.

Скажите спасибо Сэмюэлю Пипсу, человеку своего времени, но достаточно честному, чтобы изложить на бумаге хорошие и плохие стороны своих поступков. Он не был лицемером, как большинство. Нет причин, по которым он должен предстать перед судом, только потому, что он был честен с самим собой и с историей. Он знал, что однажды его дневник попадет в Сеть.

Он сохранил дневник для нас, чтобы мы читали и учились, и мы должны ходить по библиотеке колледжа Магдалины в шлепанцах, а не на высоких каблуках.

(<https://www.pepysdiary.com/diary/1664/12/20>)

Сам фокус «подглядывания» тоже смещается. В комментариях, сопровождавших последнюю запись дневника на сайте, появились высказывания участников, которые до сих пор выступали молчаливыми наблюдателями (*lurkers*) — вполне типичное амплуа для социальных сетей; многие, если не большинство пользователей, предпочитают наблюдать со стороны, а не участвовать в обсуждениях. Однако в данном случае важно, что объектом их наблюдения оказывается уже не столько Пипс и его жизнь, сколько деятельность комментаторов блога, читающих его текст. Такой сдвиг фокуса внимания в сторону повседневности самих читателей заметен и в прощальных коммен-

тариях активных пользователей. Выбранные ими слова указывают на прямо противоположный «погружению» в текст образ привнесенности извне. Дневник сам погружен в повседневность читателей:

Grahamt 31 мая 2012 г.

...Счастливо оставаться Сэму, Элизабет, Уиллу, Джейн, Деб и остальной Британии Реставрации, которая сошла с экрана и вошла в нашу жизнь за эти несколько лет. Я буду скучать по вам. <...>

MaggieNY 2 июня 2012 г.

Огромное спасибо Филу за то, что он в течение почти 10 лет ежедневно вводил Сэма и Элизабет в нашу жизнь. Я планирую пойти и прочитать продолжение истории, а затем... вернуться к началу. Чтение этого каждый день в течение многих лет стало частью моей жизни, и теперь я не могу отпустить это...

И отдельное спасибо Роберту Гирцу за все эти смешки.

(<https://www.pepysdiary.com/diary/1669/05/31>)

Возможность изучить комментарии читателей, делавшиеся по ходу чтения, позволяют увидеть, что нарушение границы частного/публичного при прочтении дневника имеет и противоположную направленность, поскольку, благодаря технологиям и обусловленным ими практикам чтения, история — чужая, нередко действительно очень интимная, может быть, малоприятная или, напротив, благополучная до зависти — привносится в частную жизнь читателя, встречается в середине дня, наполненного его собственными заботами и переживаниями. Эта модель близости с автором, предполагающая его постоянное присутствие и влияние на частную жизнь читателя, не просто накладывается на логику «заглядывания внутрь» дневника, по большому счету обусловленную сложившимися в XIX в. представлениями, приписывающими читателю ощущения, которые мог бы ожидать от них автор, озабоченный вопросом приватности. Но благодаря новым технологиям и связанным с ними практикам, ожиданиям и стереотипам становится доминирующим видение дневника, его автора, самого прошлого как раз за разом на протяжении многих лет вклинивающих в собственную жизнь читателя. Благодаря цифровым технологиям это происходит не в тот момент, который пользователь выбрал для «погружения» в чужую жизнь, а так, как это определено алгоритмом выкладывания записей, не в особое, отведенное для чтения время, а посреди сиюминутных забот. Присутствие и внезапное исчезновение дневника, читавшегося долго и регулярно, также способно кардинально перестраивать повседневность читателей.

И несмотря на явное отличие практик такого чтения от взаимодействия с бумажной книгой, которую едва ли кто-то будет намеренно читать по капле в день, исследовательский взгляд на читательский опыт как на свободный от того, как видит свой дневник и возможного желательного и нежелательного читателя автор (или по меньшей мере не детерминированный таким видением), может, как это все время происходит с современными технологиями, помочь переосмыслить и опыт читателей дневников прошлого. Вирджиния Вулф, читая Пипса, сделала единственную ремарку о своих впечатлениях:

«...мой дорогой Пипс — единственный островок спокойствия в доме» [Woolf 1990: 66]. Что мешает нам увидеть в ней свидетельство не желания убежать от домашних проблем, погружившись в чужую жизнь, но способа их превозмочь?

Источники

- Пипс 2010 — *Пипс С.* Домой, ужинать и в постель: Из дневника / Пер. и сост. А. Ливергант. М.: Текст, 2010.
- Gyford 2003 — ‘Why I turned Pepys’ diary into a weblog’: [An interview with Ph. Gyford] // BBC News. 2003. January 2. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/2621581.stm.
- Gyford 2011 — The Diary of Samuel Pepys: Telling a complex story online / [Ed. by Ph. Gyford] // Huffduffer.com. 2011. April 8. URL: <https://huffduffer.com/skillswap/38755>.
- Loveman et al. 2022 — *Loveman K., Cashdan L., Lock S., Payne B., Shafi N., Stuart H. et al.* Collection other lives in Samuel Pepys’s Diary: A collection of creative writing inspired by Samuel Pepys’s journal of the 1660s // University of Leicester. 2022. October 24. URL: https://figshare.le.ac.uk/collections/Collection_Other_Lives_in_Samuel_Pepys_s_Diary_A_Collection_of_Creative_Writing_Inspired_by_Samuel_Pepys_s_Journal_of_the_1660s/6255861.
- Pepys 1825 — *Memoirs of Samuel Pepys, Esq. F. R. S.: Secretary to the Admiralty in the Reigns of Charles II and James II; Comprising Diary from 1659 to 1669; Deciphered by the Rev. John Smith ...* London: Henry Colburn, 1825.
- Pepys 2000 — *The Diary of Samuel Pepys: In 9 vols.* / Ed. by R. Latham, W. Matthews. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 2000.
- Pepys 2004 — *The Diary of Samuel Pepys — Complete by Samuel Pepys* // Project Gutenberg. [Released] 2004. October 31. URL: <https://www.gutenberg.org/ebooks/4200>.
- Scott 1826 — Scott W., sir. Review of memoirs of Samuel Pepys, Esq. ... // *Quarterly Review*. Vol. 33. No. 66. 1826. P. 281–314.
- Woolf 1990 — *Woolf V.* A passionate apprentice: The early journals, 1897–1909. London: Hogarth Press, 1990.

Литература

- Деотто 2019 — *Деотто П.* Дневник как пограничный жанр // *Autobiografija*. № 8. 2019. С. 11–18. URL: <https://www.avtobiografija.com/index.php/avtobiografija/article/view/188/176>. <https://doi.org/10.25430/2281-6992/v8-o11-018>.
- Зализняк 2013 — *Зализняк Анна А.* Дневник: к определению жанра // *Зализняк Анна А. Русская семантика в типологической перспективе*. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 509–523.
- Зверева 2012 — *Зверева В.* Сетевые разговоры: Культурные коммуникации в Рунете. Bergen: Department of Foreign Languages, University of Bergen, 2012
- Маклюэн 2003 — *Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Г. Николаева. М.; КАНОН-пресс-Ц; Жуковский: Кучково поле, 2003.
- Шартье 2006 — *Шартье Р.* Письменный текст на экране. Книга песка // *Шартье Р. Письменная культура и общество*. М.: Новое издательство, 2006. С. 212–228.
- Bayley 2016 — *Bayley S.* The private life of the diary. London: Unbound, 2016.
- Berger 1998 — *Berger H.* The Pepys show: Ghost-writing and documentary desire in “The Diary” // *ELH*. Vol. 65. No. 3. 1998. С. 557–591.

- Buford 2020 — *Buford L.* A journey through two decades of online diary community // *The diary: The epic of everyday life* / Ed. by B. Ben-Amos, D. Ben-Amos. Bloomington: Indiana Univ. Press, 2020. P. 425–440.
- Dijck 2007 — *Dijck J. van.* Mediated memories in the digital age. Stanford: Stanford Univ. Press, 2007.
- Foys, Trettien 2010 — *Foys M. K., Trettien W. A.* Vanishing transliteracies in Beowulf and Samuel Pepys's diary // *Textual cultures: Cultural texts* / Ed. by O. Da Rold, E. Treharne. Woodbridge: Boydell and Brewer Limited, 2010. P. 75–120. <https://doi.org/10.1017/9781846158902.006>.
- Hassam 1987 — *Hassam A.* Reading other people's diaries // *University of Toronto Quarterly*. Vol. 56. No. 3. 1987. P. 435–442.
- Henderson 2018 — *Henderson D.* Reading digitized diaries: Privacy and the digital life-writing archive // *a/b: Auto/Biography Studies*. Vol. 33. No. 1. 2018. P. 157–174. <http://doi.org/10.1080/08989575.2018.1389845>.
- Lejeune, Bogaert 2003 — *Lejeune Ph., Bogaert C.* Un journal à soi : histoire d'une pratique. Paris: Textuel, 2003.
- Rettberg 2020 — *Rettberg J. W.* Online diaries and blogs // *The diary: The epic of everyday life* / Ed. by B. Ben-Amos, D. Ben-Amos. Bloomington: Indiana Univ. Press, 2020. P. 411–424.
- Rousset 1983 — *Rousset J.* Le journal intime. Texte sans destinataire? // *Poétique*. № 56. 1983. P. 435–443.
- Wilkins 2014 — *Wilkins K.* Valhalla: Medievalist humor on the Internet // *Postmedieval: A Journal of Medieval Cultural Studies*. Vol. 5. No. 2. 2014. P. 199–214. <https://doi.org/10.1057/pmed.2014.14>.

References

- Bayley, S. (2016). *The private life of the diary*. Unbound.
- Berger, H. (1998). The Pepys show: Ghost-writing and documentary desire in “The Diary”. *ELH*, 65(3), 557–591.
- Buford, L. (2020). A journey through two decades of online diary community. In B. Ben-Amos, & D. Ben-Amos (Eds.). *The diary: The epic of everyday life* (pp. 425–440). Indiana Univ. Press.
- Chartier, R. (2004). Languages, books and reading from the printed word to the digital text. *Critical Inquiry*, 31(1), 133–152.
- Deotto, P. (2019). Dnevnik kak poganichnyi zhanr [Diary as a borderline genre]. *Avtobiografiya*, 8, 11–18. <https://www.avtobiografija.com/index.php/avtobiografija/article/view/188/176>. <https://doi.org/10.25430/2281-6992/v8-o11-018>. (In Russian).
- Dijck, J. van (2007). *Mediated memories in the digital age*. Stanford Univ. Press.
- Foys, M. K., & Trettien, W. A. (2010). Vanishing transliteracies in Beowulf and Samuel Pepys's diary. In O. Da Rold, & E. Treharne (Eds.). *Textual cultures: Cultural texts* (pp. 75–120). Boydell and Brewer Limited. <https://doi.org/10.1017/9781846158902.006>.
- Hassam, A. (1987). Reading other people's diaries. *University of Toronto Quarterly*, 56(3), 435–442.
- Henderson, D. (2018). Reading digitized diaries: Privacy and the digital life-writing archive. *a/b: Auto/Biography Studies*, 33(1), 157–174. <http://doi.org/10.1080/08989575.2018.1389845>.
- Lejeune, Ph., & Bogaert, C. (2003). *Un journal à soi: histoire d'une pratique*. Textuel. (In French).
- McLuhan, M. (1964). *Understanding media: The extensions of man*. Signet Books.

- Rettberg, J. W. (2020). Online diaries and blogs. In B. Ben-Amos, & D. Ben-Amos (Eds.). *The diary: The epic of everyday life* (pp. 411–424). Indiana Univ. Press.
- Rousset, J. (1983). Le journal intime. Texte sans destinataire? *Poétique*, 56, 435–443. (In French).
- Wilkins, K. (2014). Valhallolz: Medievalist humor on the Internet, *Postmedieval: A Journal of Medieval Cultural Studies*, 5(2), 199–214. <https://doi.org/10.1057/pmed.2014.14>.
- Zalizniak, Anna A. (2013). Dnevnik: k opredeleniiu zhanra [Diary: Toward a definition of the genre]. In Anna A. Zalizniak. *Russkaia semantika v tipologicheskoi perspektive* (pp. 509–523). Iazyki slavianskoi kul'tury (In Russian).
- Zvereva, V. (2012). *Setevye razgovory: Kul'turnye kommunikatsii v Runete* [Network conversations: Cultural communications in Runet]. Department of Foreign Languages, Univ. of Bergen. (In Russian).

Информация об авторе

Анна Вячеславовна Стогова

кандидат исторических наук
старший научный сотрудник, Отделение
историко-теоретических исследований,
Институт всеобщей истории РАН
Россия, 119774, Москва, Ленинский пр-т,
д. 32а
Тел.: +7 (495) 938-12-02
✉ anna100gova@yandex.ru

Information about the author

Anna V. Stogova

Cand. Sci. (History)
Senior Researcher, Department of Studies
in Theory of History, Institute of World
History, Russian Academy of Sciences
Russia, 119774, Moscow, Leninsky
Prospekt, 32a
Tel.: +7 (495) 938-12-02
✉ anna100gova@yandex.ru